

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Год издания 37-й

Восточно-Сибирская **ПРАВДА**

№ 165 (10125)

ЧЕТВЕРГ

15

ИЮЛЯ

1954 г.

Орган Иркутского областного и городского комитетов Коммунистической
партии Советского Союза и областного Совета депутатов трудящихся

Цена 20 коп.

Выдающийся мастер сатиры

В буржуазной критике до Великой Октябрьской социалистической революции Чехова нередко называли «певцом хмурых людей», считали пессимистом, писателем, которому якобы чужды передовые идеи и взгляды. Нет ничего ошибочнее подобного рода суждений, совершенно искажающих облик одного из величайших русских писателей. В ряде произведений Чехова много скорби и горечи, он умел превосходно изобразить и беспощадно разоблачить жуткую правду буржуазной действительности. Но Чехов умел внушить читателю страстное желание покончить с отвратительным миром буржуазных отношений, ломающих и коваркающих человеческую душу. Именно потому Чехов был непримиримым врагом пошлости, мешательства, что мечтал о человеке, в котором все прекрасно. А. М. Горький писал о Чехове: «Этот скромный, мягкий человек, если он найдет нужным, может стать против враждебной ему силы крепко, твердо и не уступит ей».

Искренности, честности в искусстве изображения жизни Чехов учился у великих мастеров русского художественного слова. «Художественная литература, — писал Чехов, — поэтому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная». С годами все требовательнее и ответственнее подходил писатель к определению сущности и задач художественной литературы. Правдивость в художественном воспроизведении действительности была главным эстетическим принципом, которым руководствовался Чехов в своем творчестве.

В 1888 году в письме А. Н. Плещееву он следующим образом сформулировал свои эстетические убеждения: «Я ненавижу ложь и насилие во всех его видах... Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках, я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и жмла, в чем бы последние две ни выражались». В этих словах содержится программа, близкая по своим принципам к идейным заветам великих русских писателей — заветам Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Свобода, о которой пишет Чехов, не имеет ничего общего с отказом от убеждений, от передовых идеалов и стремлений, с отказом от борьбы со всем отжившим, гнилым, что мешает движению вперед. В сердце и сознании Чехова жила мечта о подлинной свободе искусства, невозможной в обществе, построенном на угнетении и насилии.

Изложенный Чеховым эстетический кодекс в известной мере явился теоретическим осмыслением отражением собственной творческой практики. Уже в ранних своих рассказах, в условиях жестокой реакции, Чехов сумел нарисовать правдивую картину «фарисейства, тупоумия и произвола» в общественных отношениях, в искусстве и науке. Было бы крайне ошибочно смотреть на рассказы «Дочь Альбиона», «Унтер Пришибеев» и многие другие, как на невинные юморески. Так, например, в рассказе «Унтер Пришибеев» средствами сатирической типизации показана нелепость самодержавно-полицейской системы, построенной на постоянном сыске.

Чехов создавал огромную воспитывающую роль литературы, великую ее ответственность перед страной и народом. В одном из своих чудесных писем Чехов говорит: «...писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и ко-

торые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас совуют туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель». Эти слова могут быть с полным правом отнесены к самому Чехову. Его сатира не была беспредметной. Писатель знал силу смеха и использовал его как грозное оружие. Сатира Чехова, как и других выдающихся представителей русской художественной мысли, озарена светом передовых идей эпохи, пронизана глубокой верой в светлое будущее своей Родины, сознанием исторической обреченности мира насилия и лжи.

Чехов явился гениальным продолжателем лучших традиций русской литературы, но он умел найти новые средства сатирического заострения, умел в законной, до предела отточенной форме по-новому сказать правду о позорных явлениях действительности. У Чехова была своя система художественного изображения жизни, построенная на стремлении к предельной «объективности». Ему чужд гротеск, преувеличение. Он пишет в одном из писем: «Над рассказами можно и плакать, и стонать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выйдет впечатление».

Чеховский «объективизм» отнюдь не означает авторской бесстрастности. Именно в умении подвести читателя всем строем повествования, его «подтекстом» к глубокому и серьезному осознанию действительности, к нежеланию мириться с ее отрицательными сторонами кроется тайна чеховского таланта.

С исключительным художественным мастерством раскрывает писатель растленность буржуазного общества в одном из самых сильных своих рассказов — «Припадок» (1888). Высочайший талант Василиев испытывает чувство неотвратимого стыда за мерзость проституции, являющейся необходимой принадлежностью буржуазного строя. «И как может снег падать в этот переулок! — думал Василиев. — Будь прокляты эти дома!». Мерзость буржуазных отношений и порождаемых ими явлений нашла в рассказе предельно ясное и необычайно сильное художественное выражение. Деталь с изображением снега как символа чистоты и красоты не была случайной. Она выросла из глубин творческого сознания Чехова, из отношения его к буржуазному строю, оскорбляющему и калечащему человеческую душу.

Известно, что революционные демократы вели непримиримую борьбу с либералами, как наиболее опасными врагами освободительного движения русского народа. Крах либерализма, его предательская сущность с необычайной силой представлена в сказке Салтыкова-Щедрина «Либерал». Либерал выдвинул многообещающую программу и стал действовать сначала «по возможности», затем стремился урвать хоть что-нибудь и, наконец, вступил на путь «применительно к подлости». Чехов продолжил дело Салтыкова-Щедрина. В своих произведениях Чехов заклеил тайную трусость, уход от общественной деятельности, духовную нищезность и мерзость интеллигента-обывателя.

Тема духовного краха с еще большей силой раскрыта Чеховым в знаменитом рассказе «Ионыч», в котором идет речь о докторе Старцеве, не нашедшем в себе мужества, чтобы противостоять растлевающему влиянию мешанского болота. В молодости Старцев был человеком передо-

вых убеждений, мечтал об общественной работе, но постепенно опустился, превратился в грубого стяжателя, пошляка, стал жить «без впечатлений, без мыслей». Поражительно искусство, с каким Чехов воплощает глубокое идейное содержание в предельно-малой форме!

Некрасов, Салтыков-Щедрин, Успенский в ряде своих произведений отразили социально-экономическое расслоение крестьянства, появление и рост кулачества. Щедрин создал типы Колупаева, Разуваева, Дерунова. Правдивый показ пореформенной деревни на новом этапе жизни Чехов дал в повестях «Мужики», «В овраге».

Острая сатира на общественный строй содержится в рассказе «Человек в футляре», самое название которого давно стало крылатым словом. Рассказ написан на тему о боязни мысли, о параличе духа, о том, «как бы чего не вышло». Тема эта не новая в русской литературе. На эту тему писал Щедрин. Достаточно вспомнить его сказку «Премудрый пескарь». В Чехове нельзя не видеть достойного преемника гениального сатирика. Чехов изобразил развал, духовное обнищание, показал тупик, в который завели Россию ее правители. Именно такой вывод можно сделать из рассказа «Человек в футляре», и в этом заключалась его огромная революционизирующая сила. По глубине и правдивости сатирического обобщения образ Беликова может быть поставлен на один уровень с типами Обломова, Иудушки Головлева. Недаром этот образ не раз был использован в докладах, речах, статьях В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

В 1892 году Чехов написал «Палату № 6», произведение, поразительное по художественному мастерству и разящей силе сатиры. Конфликт, показанный Чеховым в «Палате № 6», не был беспогранным фантазией художника. Чехов в своем произведении дал замечательно острое сатирическое обобщение общественного строя России предреволюционной поры с ее мертвящей атмосферой, угнетающей человека. По политической остроте, творческой смелости, яркости художественных образов «Палата № 6» непосредственно примыкает к знаменитым сатирам Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» и «В больнице для умалишенных». Весьма вероятно, что щедринские сатиры в какой-то степени подсказали Чехову замысел повести.

Творчество Чехова должно быть осознано как закономерное развитие реалистических и демократических традиций русской литературы, как важнейшая ступень по пути к искусству социалистического реализма. Оно свидетельствует об активном, творческом усвоении опыта величайших мастеров художественного слова. Будучи глубоко оригинальным, большим художником, Чехов сумел открыть новые пути изображения жизни и создать эстетически ценности мирового значения.

Творчество Чехова сохраняет свое действительное значение и в наши дни. Оно полно веры в наступление «чуждой и полной высокого смысла жизни». Чехов учит пытливо всматриваться в жизнь, распознавать и отбрасывать мертвое, отжившее, пошлое, что все еще имеет место в нашей жизни, бороться против современных беликовых, пришибеевых, хамелеонов, мешающих нашему движению вперед, к коммунизму. Светлая память великого русского писателя-гуманиста и сатирика дорога всему передовому человечеству.

С. БАРАНОВ,
профессор Иркутского педагогического института.